

Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах
“Сэфер”

Международный Центр университетского преподавания
еврейской цивилизации
(Еврейский Университет, Иерусалим)

Институт славяноведения
Российской Академии наук

*From Genesis
to Exodus*

Collection of articles

*От Бытия к
Исходу*

Отражение библейских сюжетов в славянской
и еврейской народной культуре

Сборник статей

ספ

Академическая серия
Выпуск 2

Москва 1998

Каин и Авель в българском фольклоре

Библейский сюжет о Каине и Авеле имеет достаточно широкое распространение в болгарской фольклорной традиции. Он встречается преимущественно в прозаических текстах (чаще всего в качестве компонента этиологической легенды о Сотворении мира), являющихся фольклорной интерпретацией канонического текста "Бытия", или же его апокрифических версий. Примером такого типа может послужить вариант легенды о Сотворении Вселенной, записанный автором в д. Котеновци, в Северо-Западной Болгарии от Дафины Атанасовой Ангеловой.

Текст этот представляет собой повествовательную цепь, которая состоит из относительно самостоятельных в композиционном (а порой и сюжетном) отношении звеньев-эпизодов о судьбе Адама и Евы, равно как и их отпрысков; при этом мотив убиения Авеля Каином сопрягает собственно библейский сюжет с локальной этиологической легендой "О первой в мире войне", которая бытует в этой деревне и как отдельный, самостоятельный сюжет:

"Като е сътворил Бог земята, од земя и напраил Адам. Направил Адам и го пуснал у Райската градина да еде от сички плодове там... Там свекакви плодове има. "А од една ябълка, - рекл, - нема да ядеш! Од най-убавата ябълка нема да ядеш!" И он не ял. И така-а-а... Поседел сам и рекъл, Бог рекъл: "Не можем да държим тоа човек сам! Треба се пуци плод на таа земя!" Зел та извадил на Адам од левата страна едно ребро - на мъжете сега нема на левата страна едно ребро! А на жените са свите ребра, а на мъжете нема едно ребро! Извадил на мажо, на Адам, едно ребро и от кал напраил и Дева Мария. И [така] я напраил и нъея ухнал и она се събудила. Ухнал и у нъея - и я напраил от кал и нъея. И нъего така го бил направил и ухнал и он се събудил. И ин ги казал: "Тука че седите, от сичко чее ядете - само те от таа ябълка нема да ядете!" А оно там - плодове

много! И свичко са само плодове яли - като стока... А не са трудили като сега, да ядеме леб и гозба. И змията се увила - една голема змия се увила у таа ябълка, дека не давал Бог да едат од нъея... А он не ял и она не яла: казал й Бог - и нъема! А они се били облечени като козите съга кво са! Като козите сме били! Коса си е било изцело - като козите! А Бог като казал: "Нема да ядете!", а змията рекла: "Що от всички плодове ядете, а от тия не щете?"

А они рекли: "Не дава ни Бог! Бог ни е казал от това дърво да не ядеме ние". А она змията рекла: "Не дава ви Бог, защото ще станете богове като Нъего! Затава! А вие си яжете!" И они мислили, че истина - че станат богове! И змията ги излъгала. И яднали. Она откинала една ябълка и зела, та разрежала и му дала да яде и он, и Адам. А она - нали жена, она по-сръчна и глътнала. А он не го бил глътнал. Затова има тука на мъжете гръкланье. те тука - тие гръклянье... На свеки мъж има гръклянье, а те - на жена нема гръкланье. Що она глътнала нъойнтя ябълка, а нъеговата били дотука стигнала - и улезнал Бог при нъи! Нали си видеела на мъжете - какви са гръкулите големи, а на жена - нема... А това е ябълката, дека е Адам изел ябълката и не е бил глътнал! Та дотука била и така на мъжете останало гръкули, а на жените - нема. И они се соблекли... Като яднали от тая ябълка - и оно се свлекла косата од нъи и они се затворили у дупката - так, дека са живеяли. У пещера е имало, та са живеяли. И ги било срам да излезнат. А Бог ги викал: "Адаме! Ево! Къде сте!" Они се кутали. "Назе ни е срам да излезнеме!" - "Е, защо?" - "Що боли!" - що ги срам било да излезнат. И они му казали, че змията ги излъгала и он рекъл: "Проклет да е кой я види и я не утрепе! Она ве е изюдила!" И они казали, че: "Она ни каза, че станеме богове като тебе! И ние затова яднаме!" И он казал: "Проклет да е кой я види и я не утрепе!" Проклел я Бог! "И да се влачи по земята!" Що они са одили змиите, а от тогива я е проклел змията да се влачи по земята и кой я види - да я утреп е. Що она ги изюдила - излъгала е, та да ядът! И они се соблекли! А Бог казал на

Адам и Ева: “Щом слушате змията, сега да орете, да копате, да жънете! Да работите! Ти - да предеш, да тъчеш, да си облечеш децата! А он да оре и да копа - да ги рани!” И останали тогива ората. Та ние жените - се предеме, тъчеме, плетеме, да ги облачиме. А мъжете - да орът и да сеят и да садат, та да се раждат, да се очуват децата. Те това съм чула. Това си го има и писано. А косата е Бог остаил - да се познава: кое е глава, кое е ... друго. Иначе свичко се е свлекло: това се е свлекло, онова се е свлекло... А они целите са били облечени със коса... И така се направили онъи със нъинъята работа - та ние сега да ораме, да копае, да работиме! Да предеме, да тъчеме - да си чуваме децата...

И посленке две мончета се очували - Каин и Авел. И Каин убил Авела - за да има война. За да има война послем, они са се така избили, та да има война. Да се пречиства народо. Каин и Авел са обявили първата война. Единия - Каин, другия - Авел. На буба Ева и дела Адъм они са първите деца. И Каин убил Авела. Од Бога е - да има война! Сега глей кво има война има, трепанье! Те така...”

“Сотворил Бог землю, и сделал из земли Адама. Пустил его в райский сад, а там плоды всякие <...> А потом вынул у него с левой стороны одно ребро и из ребра и земли сделал Деву Марию, вдохнул в нее жизнь. И запретил Бог им есть яблоко. Все плоды можно, только яблоко трогать нельзя. Они и не ели. А были они покрыты шерстью, как козы! <...> А вокруг яблока змея обвилась, она их и спрашивает: “Что же вы все плоды едите, а яблока не хотите? Это Бог не хочет, чтобы вы стали богами, как Он! А вы съешьте!” <...> Тогда женщина (женщины ведь половчее) взяла и проглотила. А у Адама яблоко в горле застряло, потому у мужчин “Адамово яблоко” и осталось с тех пор <...> Как съели они яблоко, так спала с них шерсть, и они спрятались в пещере <...> Адам и Ева устыдились своей наготы, не вышли на зов Бога. Бог проклял змею за обман - с тех пор она ползает. А волосы им Бог оставил, чтобы знали: где голова, а где ... другое. Бог сказал: “Раз вы змею послушали, будете теперь пахать, копать и жать!”

Работать будете! А женщина - прясть, ткать, чтобы одевать своих детей! <...> А потом двое мальчиков родились у них - Каин и Авель. И Каин убил Авеля - чтобы была война. Чтобы потом вообще войны были, чтобы людей уничтожать. Каин и Авель первую войну объявили. Бабы Евы и деда Адама первые дети. И Каин убил Авеля. Это от Бога - чтобы война. Сейчас смотри, сколько войн на земле, убийства! Вот так...”

Дальше в этом рассказе следуют описание потопа, мытарств Ноя, испытаний его родственника Лота, истории праведного Иова и т.д.

Аналогичным примером могут послужить записанные К. Шапкаревым [1. С. 264, 266] варианты легенды о происхождении пса; этиологический сюжет о появлении собаки на свет из плоти Каина или Авеля есть лишь деталь повествования “о том, как во время оно Бог Миром правил”. Таким образом, фольклорные интерпретации библейской темы о Каине и Авеле выступают в качестве относительно самостоятельного фрагмента локальной устной версии “Бытия”.

Второй тип фольклорных прозаических текстов, повествующих о гневе пахаря Каина на пастуха Авеля, состоит из композиционных звеньев, восходящих как к исконным библейским мотивам, так и к более поздней их интерпретации в средневековой христианской (канонической и апокрифической) литературной традиции. Например, в опубликованной Й. Ивановым рукописи XVI в. (т.н. “Ловчанский сборник”) [2], являющейся версией текста “Разумника-Указа”, находим ряд любопытных деталей.

Согласно этому тексту, Авель воздал первое на земле жертвоприношение Богу; он же является и первым в мире пастухом, тогда как его брат Каин был первым земледельцем. Он же научил людей пахоте. От него, однако, начались злоба и ложь, клевета и разбойничество, равно как и “душегубство”. Грехом этим он душу погубил свою, унаследовал ад, осквернил землю, отца оскорбил, мать сына лишил и тем самым брата потерял [2. С. 260]. А почему

Бог поставил его на Луну? Дабы видел Каин все мирские блага, которых лишился, равно как и зло, которому он был началом. А почему дуют сильные ветры? Ибо Каин плачет. И от чего они поднимаются? Они есть вопли его [2. С. 263].

В этой рукописи находим еще несколько интересных деталей относительно жизни и смерти первых сыновей Адама и Евы. После того как брат брата убил, Авелево тело осталось нетленным в течение 900 лет, тогда как тело Каина изуродовалось. “Яко бе гнев Божий на Каина”, он сторбился и зверям уподобился (“Згръчив са хождааше, и глава егв при ногѸ”). Очевидно при этом, что идея нетленности Авелевой плоти как бы отсылает к православным христианским представлениям о сакральной природе мощей святых мучеников. Вместе с тем нетленность плоти Авеля противопоставлена уродству тела Каина, которое само по себе является воплощением греховности.

И. Иванов считает, что Ловчанский сборник отражает некоторые богомильские по своему характеру (а вероятнее всего - и по происхождению) мотивы и сюжеты. Аналогичные темы выступают и в качестве стержневых компонентов “Сказания из [книги] Бытия”, являющегося фрагментом Беловского сборника (конца XVII в.) и представляющего собой любопытную компиляцию нескольких рукописных сочинений вопросо-ответного типа [3]. Так, например, ответ на вопрос “Какова ширина Рая?” содержит следующую деталь: “Скажи мне кто был первым, воздавшим жертву? Авель заколол ягненка и принес его в праведную жертву перед воротами Рая. За ним Каин, вторым [воздал в качестве жертвы Богу] часть пшеничного семени, но [сделал это] неправедным сердцем. Поэтому Господь презрел его жертву. Поэтому разгневался он [Каин] на Авеля, брата своего, и его погубил. И [Каин] был посажен на Месеце, дабы видел все, родившееся на земле [3. С. 336].

А вот и полный ответ на вопрос “Ради чего Бог поставил Каина на Луне?”: “Дабы видел блага, которых лишился, и дабы видел зло, оставшееся после него” [3. С. 339]. В том

же рукописном сборнике мы встречаем и ответ на вопрос “С кого зло началось?” - “От Каина есть начало зла: лжи, клеветы, зависти, ненависти, кражи и насилия. И когда Ламех его стрелой убил, Господь сказал: “Со злым пускай и зло погибнет!” А почему Господь на Луну его поставил? Дабы зрел на все зло, которое началось от него и дабы зрел на блага, которых лишился [3. С. 346].

Нельзя не обратить внимания на разительное сходство ряда деталей в апокрифической литературной и в фольклорной версии сюжета о Каине и Авеле. Знаменательно, что в обоих случаях появление пятен на Луне связывается с преступлением Каина, пролившего кровь брата своего Авеля. Вместе с тем эти тексты отражают некоторые универсальные мифологические мотивы, которые сведены С. Томпсоном в отдельную категорию (тип А 751) [4]. Господь превращает финальную сцену библейской драмы в знак: пятна на Луне суть знак “страшного чуда”, свершившегося на Земле.

Что же рассказывают болгары о пятнах на Луне?

В д. Копиловци (Северо-Западная Болгария) этот мотив получил следующую интерпретацию: “Тава за Каин и Авел се знае от векове. Каин и Авел са били брака и Каин утрепал Авела и тагай Господ га проклел - да га носи све на гръбину и съга като гледаме месечину, има малко така, като сенкя - Каин носи Авела, брата си...” (“Про Каина и Авеля испокон веков знаем. Они были братья, Каин убил Авеля, и Бог его проклял - чтобы все время носил брата своего на спине. И когда мы на Луну смотрим, там тень какая-то виднеется, а это Каин носит брата своего, Авеля...”). И еще пример из того же региона: “У месеца има двамина. Оно се види - тоя, дека си убил брата, па га све носи. У месецът су - ама не знам чьи род са били тия <...> Така ли е записано на месецо, кво ли, мь съм чула: “Глей! - каа, - яла оно се види у месецо, дека га носи на рамо! Брат брата утепал и га носи на рамо!” Защо е чудо станало и Бог дал да седи на месецо. Тия двамината брака ин ги окале Каин и Авел. Ете они че седат до век на месечината”. (“На месяце двоих видим. Один убил брата своего, вот он и носит его на спине. На месяце

они, а кто они, из какого рода - не знаю <...> Так ли записано на месяце, но слышала: брат брата убил и носит его на спине! Вот чудо и произошло, Бог так сделал, чтобы были они на месяце. А звали их Каин и Авель. Вот они и посажены навек на месяце".)

Отметим, что фольклорные легенды называют пятна на Луне просто текстом, "написанным на месяце".

Библейская тема о Каине и Авеле получает специфическую интерпретацию и в песенной традиции. Среди болгарских переселенцев в д. Нови Трояни Бердянского района Запорожской обл. автором был записан следующий текст:

"Нива със синджир мерили,
лозето - кютук по кютук,
тука остана-остана
дор два ми коня ранени,
дор два ми сиви сокола.
Сокол за сокола пиццаша,
коня за коня цвилиши,
не можат да ги разделят.

Вот два брата делились —
Все по-братски делили:
Поле цепью мерили,
виноградник - кустик к кусту,
осталось всего-навсего
два коня откормленных,
да два сизых сокола.
Сокол по соколу плакал,
конь по коню ржал,
разделить не могли их братья.

Вот это и видно на месяце - как два брата делили имущество".

Хочется упомянуть, что параллельно существуют и другие версии этиологической легенды о символике пятен

на Луне, отсылающие к новозаветной традиции. При этом фольклорная традиция демонстрирует полное согласие с богословской, где Авель является прообразом Христа, а Каин - прообразом Иуды. В подобном контексте пятна на Луне "идентифицируются" как изображения Иисуса и/или же Иуды.

Точно так же оценивается и мотив жертвоприношения Авеля и Каина. После заклания жертвенного ягненка Авель как бы стал "Агнцем". При этом жертву Авеля Бог принял, а жертвы Каина не принял. Принял Он жертву Каина лишь тогда, когда жертвой стал брат его Авель. Между тем Авель как бы становится ветхозаветным прообразом христианского праведника и мученика (Мф. 23, 35; Послание ап. Павла к Евреям, 11), а его смерть - символом Евхаристии, тогда как кающемуся брату его Каину суждено было превратиться в Иуду окаянного.

Итак, болгарские фольклорные тексты - это не рассказ о том, как Бог ставил Свою печать (*знак, знамение, белег, дамга*) на Каина; наоборот - они демонстрируют процесс превращения самого Каина в знак преступления. Эта деталь соотносится с некоторыми традиционными формулами, характерными для латиноязычной традиции перевода Ветхого Завета, и, как нам кажется, затрагивает проблему перевода текста с языка одной культуры (книжной) на язык другой (устной).

Анализируя проблему "разночтений" в контексте сюжета о Каине и Авеле разных редакций перевода Священного Писания на латинский язык, Р. Меллинкофф в своей монографии "The Mark of Cain" отмечает следующее: "The Latin verse, however, can be, and has been <...> translated in at least two ways depending on whether a filled-in *in* is meant to go with Cain, or with signum, and therefore:

1. Posuitque [in] Cain signum / signum [in] Cain, thus meaning: placed a sign on Cain, or

2. Posuitque Cain [in] signum / [in] signum Cain, thus meaning: made Cain [as] a sign" [5. P. 2].

Фольклорные библейские материалы XIX-XX вв.

восходят к разным этапам многовековой эволюции устных текстов, основанных на книжных канонических текстах и апокрифах. Вместе с тем современные фольклорные тексты, по всей видимости, парадоксальным образом отражают архаическую стадию развития исконного библейского "прототекста", предшествовавшую стадии его превращения в письменный текст. Нам кажется, что современные фольклорные записи, интерпретирующие ветхозаветный и новозаветный нарратив, предлагают достаточно любопытный материал для реконструкции исконного "словника" мотивов, сюжетов, персонажей, имманентно присущего библейскому прототексту.

Литература

1. *Шапкарев К.* Сборник от български народни умотворения в четири тома. София, 1973. Том IV.
2. *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. София, 1925. С. 257-272.
3. Сказание, което е от [книгата] Битие. Христовите думи, как [Господ] сътвори всичко. Благослови, Отче! // Стара българска литература. Том V. Естествознание / Съст. и ред. Анисава Милтенова. София, 1992. С. 334-350.
4. Motif-Index of Folk-Literature. A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Medieval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-Books and Local legends. Revised and Enlarged edition by Stith Thompson. 1. A-C. Copenhagen, 1955.
5. *Mellinkoff R.* The Mark of Cain. University of California Press. Berkley-Los Angeles-London, 1981.

Ольга Белова (Москва)

Легенды о Потопе в славянской и еврейской фольклорной традиции

Фольклорные легенды, построенные на материале Ветхого и Нового Завета, составляют один из интереснейших аспектов обширной темы - о роли и значении Библии в традиционной народной духовной культуре. Интерпретация библейских сюжетов в народных легендах наглядно показывает неординарность и многоплановость фольклорной трактовки текстов, излагающих "священную историю". Содержащиеся в народных легендах анахронизмы, кажущаяся алогичность соединения в пределах одного текста фрагментов различных сюжетов, "вольное" обращение с именами и персонажами далеко не всегда свидетельствуют лишь о поверхностном знакомстве носителей фольклорной традиции с библейскими текстами.

Подобно апокрифам, народные легенды стараются дать объяснение тем эпизодам Священного Писания, которые, с точки зрения читателя или слушателя, нуждаются в более подробном изложении. Наиболее драматичные, ключевые моменты библейской истории (сотворение мира и человека, грехопадение первых людей, история Каина и Авеля, Всемирный Потоп, "размещение языков") расцвечиваются в народных легендах многочисленными подробностями, призванными как бы восполнить лаконизм первоисточника.

Величайший природный катаклизм - Всемирный Потоп - оставил след в мифологических и религиозных представлениях народов всего мира. Этому событию, описанному в Библии (книга Бытия, 6-8), посвящено наибольшее количество славянских легенд "ветхозаветного" цикла. Сравнение славянских текстов с аналогичными рассказами, представленными в еврейском фольклоре, позволяет отметить особенности восприятия текста Библии и трансформации библейского сюжета в различных культурных традициях.